

Как звездочка создавала
новый мир на Земле

Наталья Небо-Баранова

Наталья Небо-Баранова

Как звездочка создавала новый мир на Земле

<https://litres.ru/74608534>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сказка о девочке со звёздочки» — волшебная история о звёздочке, которая, устав от холодного мерцания в пустоте космоса, падает на Землю и становится маленькой девочкой. В кармане у неё — горсть звёздной пыли, а в сердце — желание напомнить людям о красоте, которую они перестали замечать в суете дней.

По ходу своего путешествия героиня встречает разных героев: разочарованного художника, циничного архитектора, усталого дворника, равнодушных детей с гаджетами и пожилых супругов, забывших, что такое радость. Благодаря её доброте и вере в чудо каждый из них обретает новый взгляд на мир. Город преобразается: появляются сады на крышах, здания с витражами, цветущие дворы, а люди начинают улыбаться друг другу. Эта сказка напоминает: чтобы увидеть волшебство, не нужна волшебная пыль — достаточно просто научиться видеть

Наталья Небо-Баранова

Как звездочка создавала новый мир на Земле

В одной далекой-далекой галактике, где туманности переливались перламутром, а планеты пели хрустальными голосами, жила маленькая звездочка. Она была не такой, как ее сестры. Вместо того чтобы просто мерцать в холодной пустоте, она мечтала о тепле. Однажды ночью, когда Земля на мгновение показалась ей особенно синей и зовущей, она не удержалась на своем небесном луче. Свернувшись в клубочек, она сорвалась вниз и упала в старый московский сквер, прямо в заросли отцветшей сирени.

На Земле она превратилась в девочку лет семи. На ней было платье, сотканное из лунного света, а в кармане тихо шуршала горсть звездной пыли.

Девочка ступила на асфальт и удивилась. Вокруг высились огромные серые коробки, изрезанные ровными линиями окон. Современный город гудел, дышал выхлопными газами и пах остывшим бетоном. Она задрала голову: ни одно-

го резного наличника, ни одной кованой решетки, ни одного узора, который хотелось бы разглядывать часами.

«Почему так мало красоты?» — прошептала она, вспоминая, как на ее родине даже пылинки танцевали в строгом и прекрасном порядке.

Она пошла дальше, мимо бетонных гигантов, и вдруг замерла. Перед ней возвышался старый особняк с облупившейся лепниной, за ним виднелся купол храма, уцелевший сквозь века, а чуть дальше — ажурные ворота парка, помнившие шаги императоров. Девочка прижала ладони к холодному камню. Здесь, в этих трещинах и потемневшем золоте, жила душа.

«Здесь есть красота, — поняла она. — Но почему она осталась только в прошлом? Почему настоящее так спешит, что забывает украшать себя?»

Она шла по улицам и смотрела на людей. Они кутались в черные и серые куртки, лица их были напряжены, а взгляды устремлены в светящиеся прямоугольники телефонов. Люди

толкались в метро, хмурились в очередях, спешили по лужам, не замечая ни низкого серого неба, ни редких деревьев.

Девочка остановила спешащего мужчину в строгом пальто.

— Почему вы не улыбаетесь? — спросила она, заглядывая ему в глаза. — Смотрите, какой смешной воробей купается в луже.

Мужчина вздрогнул, посмотрел на нее невидящим взглядом, буркнул что-то про опоздание на совещание и скрылся в подземном переходе.

Она подошла к женщине, которая плакала, сидя на скамейке.

— Почему здесь так много тусклых красок? — спросила девочка. — Ваша куртка такого цвета, как грозовая туча. А ведь на свете есть цвет утренней зари и цвет спелой рябины.

Женщина лишь отмахнулась, вытерла слезы и снова установила в телефон, где кто-то чужой жил чужой, яркой жизнью.

Девочке стало очень грустно. Она села на ту же скамейку, достала из кармана горсть звездной пыли — теплой, мерцающей, пахнувшей медом и снегом одновременно — и решила все исправить. Она не хотела никого принуждать. Она просто хотела напомнить.

Под покровом ночи, когда город уснул под шум дождя, она встала в самом центре площади. Она подбросила пыль в воздух. Серебряные искры подхватил ветер, и они полетели над крышами, просачиваясь сквозь закрытые форточки, оседая на капотах машин, на спящих в парках голубях, на страницах забытых на скамейках книг.

Утро началось не с резкого звонка будильника. Люди проснулись от того, что в их комнаты ворвался густой, золотой солнечный свет, хотя за окном по-прежнему висели тучи. Они подошли к окнам и ахнули.

Серые коробки никуда не исчезли, но теперь они казались не унылыми, а монументальными, как скалы. А между ними, прямо из трещин в асфальте, пробивались изумрудные рост-

ки невиданных цветов. Воздух стал прозрачным и вкусным.

Мужчина, которому вчера было некогда, вышел из подъезда, увидел, как на паутинке дрожит алмазная капля росы, и улыбнулся. Он улыбнулся дню.

Женщина, которая плакала, вдохнула запах мокрой ливневой трубы и улыбнулась рассвету.

Люди вышли на улицы и вдруг слышали. Слышали, как поют птицы — не робко, а во весь голос, перекрывая гул машин. Они посмотрели друг на друга. Вчерашние чужаки встретились взглядами, и вместо привычной настороженности в них вспыхнуло тепло. Старушка, которой никто не помогал донести сумку, вдруг получила предложение помощи от трех человек сразу.

На земле наступили времена ярких красок. Кто-то достал из кладовки забытые краски и нарисовал на глухой стене брандмауэра огромное солнце. Кто-то включил музыку, и из окон полились новые песни — легкие, чистые, от которых хотелось танцевать прямо на тротуаре. Артисты пели не о боли и деньгах, а о том, как здорово просто идти по улице.

и дышать.

Все были счастливы. Им нечего было делить — ни место под солнцем, ни парковочное пространство, ни последний кусок хлеба. Они взялись за руки и стали вместе, квартал за кварталом, строить новый мир. Они сносили уродливые заборы, разбивали сады на месте пустырей, и новые здания росли быстро, но теперь их украшали витражи, мозаики и резное дерево, словно вернулись лучшие традиции старых эпох, помноженные на смелость будущего.

Девочка со звездочки ходила среди них, невидимая в своей человеческой оболочке, и радовалась. Она слушала новые песни, смеялась вместе с детьми, которые пускали в лужах бумажные кораблики, и гладила по теплой голове больших собак, которым люди теперь всегда находили время почесать за ухом.

В то самое утро, когда город только учился заново дышать, девочка со звездочки свернула в тихий переулок, зажатый между старым кирпичным домом и зеркальной стеной нового бизнес-центра. Там, на перевернутом ящике, сидел сгорбленный человек в заляпанном краской берете. Перед ним стоял пустой холст, натянутый на подрамник.

Художник был очень стар. Всю свою жизнь он пытался поймать на картинах свет, но город всегда казался ему слишком плоским, а люди — слишком быстрыми. Вчера вечером, глядя на свои серые, безжизненные пейзажи, он окончательно решил, что больше никогда не возьмет в руки кисть. Утром он просто вышел из дома, прихватив с собой чистый холст, чтобы оставить его под дождем и посмотреть, как смываются последние иллюзии.

Девочка подошла к нему бесшумно. Она заглянула через его плечо на пустое полотно, а потом перевела взгляд на его руки. Пальцы художника мелко дрожали, а в глубоких морщинах навсегда застряла сажа и охра.

— Почему ты рисуешь пустоту? — спросила девочка, наклоняя голову. — В ней нет ни одной звезды.

Старик вздрогнул. Он не слышал шагов. Он поднял на нее выцветшие, слезящиеся глаза и хотел было привычно проворчать, что нынешний мир невозможно писать, что в нем нет ни гармонии, ни цвета. Но слова застряли в горле. Он по-

смотрел на девочку и осекся. От ее простого ситцевого платья исходило едва заметное серебристое сияние, а тень, которую она отбрасывала на мокрый асфальт, была не черной, а темно-синей, усыпанной крошечными золотыми крапинками, словно ночное небо.

— Я больше не вижу цветов, — тихо признался он. — Я смотрю на этот кирпич, и он просто бурый. Я смотрю на небо, и оно просто серое. Моя палитра стала кладбищем для красок.

Девочка улыбнулась. Она сунула руку в карман и достала не звездную пыль, а маленькую, гладкую, теплую жемчужину.

— Ты просто смотришь слишком тяжело, — сказала она. — Закрой глаза.

Художник послушно смежил веки.

— А теперь смотри не ими, — прошептала девочка. — Смотри тем, чем ты любил мир, когда тебе было пять лет.

Она легонько коснулась его седого виска.

Старик вдохнул. И мир взорвался.

Он вдруг почувствовал запах мокрого асфальта — но это был не запах гудрона, а терпкий, свежий аромат озона и детства. Он услышал, как в водосточной трубе поет вода — и эта песня звучала в точности как начало его любимой симфонии. Он открыл глаза.

Прямо перед ним, на фоне бездушного стекла современного небоскреба, старый тополь выбросил последние листья. Но какими они были! Один горел расплавленной медью, другой светился изнутри призрачным зеленым огнем, а третий стал почти прозрачным, как пергамент, и сквозь него было видно холодное солнце. Луч света, отраженный от зеркального фасада, падал на старую кирпичную стену, и она больше не была просто бурой — она переливалась оттенками запекшейся вишни, корицы и старого золота.

Художник судорожно вздоха. Его руки перестали дро-

жать. Он схватил палитру, которую бросил в лужу, и начал смешивать краски прямо пальцами, не замечая, как пачкает куртку. Он больше не пытался копировать реальность. Он начал писать то, что чувствовал сейчас: тепло, которое разливалось в его груди, забытое обещание счастья и ту самую невидимую пыль, что осела на ресницах девочки.

Он работал как одержимый. Кисть летала над холстом. На картине старый тополь обнимал своими ветвями стеклянную башню, примиряя эпохи, а по мокрой дороге шла девочка, оставляя за собой едва заметный мерцающий след. Цвета на полотне были такими густыми и звонкими, что, казалось, если прислонить к холсту ладонь, можно обжечься.

Когда последний мазок был положен, художник опустил руки. Он обернулся, чтобы поблагодарить свою маленькую музу, но переулочек был пуст. Только на мокром асфальте, там, где стояли ножки ящика, медленно таяло созвездие из семи серебряных искр.

Старик прижал к груди готовую картину. Он вернулся в свою мастерскую, и в тот же день полотно, названное им «Девочка, научившая город видеть», попало на улицы. Его вы-

ставили прямо у входа в метро. Люди останавливались, смотрели на эти невозможные, счастливые краски, и что-то внутри них переключалось. Они доставали телефоны не для того, чтобы спрятаться в них от мира, а чтобы сфотографировать свет.

А художник до самой глубокой старости приходил каждое утро в тот переулок с чистым холстом, садился на ящик и просто дышал, зная, что если очень сильно поверить, пустота всегда наполнится звездами.

Вдохновленная переменами, девочка со звездочки покинула тихий переулок художника и направилась к самому сердцу города, где гудели подъемные краны. Она шла по набережной, где серые волны Москвы-реки бились о гранит, и остановилась перед огромным пустырем, обнесенным синим строительным забором. На заборе висел огромный плакат: «Элитный жилой комплекс "Бастион". Скоро здесь вырастет символ вашего успеха». На рисунке красовалась очередная мрачная башня из черного стекла, похожая на закрытый кулак.

Девочка нахмурила светлые брови. Зачем строить крепость, если вокруг давно нет врагов? Зачем делать стены глу-

хими, если самое большое счастье — это свет?

В этот момент из-за забора вышел человек. Он был одет не в строительную робу, а в строгий костюм, но в руках держал не портфель, а длинный деревянный циркуль. Его лицо было бледным и усталым, а под глазами залегли тени. Это был главный архитектор проекта, создатель сотен таких же «Бастионов» по всей стране. Сегодня утром, после того как он проснулся от пения птиц и увидел свет в глазах своей жены, ему впервые за двадцать лет стало невыносимо тошно от собственных чертежей. Он пришел на пустырь, чтобы бросить свой циркуль в реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.